

Ольга Богатикова

ЗАПОВЕДНАЯ
ТРОПА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Богатикова, Ольга Юрьевна.
Б73 Заповедная тропа / Ольга Богатикова. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-235236-2

Осень в нашем заповеднике — самая горячая пора. Молодые дракончики учатся летать, подросшие саламандры пытаются сжечь лес, в гнезде жар-птицы вот-вот вылупятся долгожданные птенцы. А потому визит ревизоров из столичного министерства природных ресурсов конкретно сейчас ну очень некстати. Особенно, если среди проверяющих есть люди, которые уверены, что приехали в обычный лес, а волшебство бывает только в сказках.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235236-2

© Богатикова О., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Чай был темно-янтарного цвета и умиротворяюще пах мелиссой. На дне чашки лежала россыпь крошечных травинок, соединившихся в замысловатый узор, похожий на большого рогатого зверя.

— Что же ты, Васятка? Пей, а то остынет. — Глеб Иванович поставил рядом с моей чашкой мисочку с медом и блюдо, на котором ароматной горкой лежали куски свежего ржаного хлеба. — Это мой фирменный сбор. Ты такого чая нигде больше не найдешь. И медку откушай. Пчелки-то, затейницы, в этот раз такую вкусноту принесли — пальчики оближешь.

Я подняла чашку. Потревоженные травинки тут же сбились в бесформенную кучу.

— Хороший у вас отвар, — сказала, отпивая глоток. — Терпкий и горячий. В сырую погоду как раз то, что надо. Я пока от портала до вашей избушки топала, озябла как суслик. Хотела чарами согреться, но передумала — про дубки вспомнила. Они же слабенькие еще, не дай бог магию впитают и погибнут.

— Правильно, Васятка, молодняк надо беречь, — кивнул леший. — Ты молодец, все правильно понимаешь. Не то что Ванька со Славкой. Этим аспидам хоть блокпосты ставь, все одно колдануть норовят: то телепорты перед избой активируют, то зверьем обернутся. Нет чтобы зимы дожждаться — зимой дубы в силу войдут, тогда ворожи сколько хочешь, а они...

Леший махнул рукой и отхлебнул чаю из большой глиняной кружки.

— А скажи-ка, Василиса, — произнес он, — ты, когда к моему дому пробиралась, столичных гостей не видала?

— Это которые из Министерства природных ресурсов? — уточнила я, поливая хлеб медом. — Нет, Глеб Иванович. Я думала, что они уже здесь, у вас. Алена за ними в город еще утром уехала. Время — полдень, а их все нет.

— Начальство, Вася, появляется, когда захочет, — заметил мужчина. — Мы, если помнишь, столичную делегацию в пятницу

ждали. Сегодня уж понедельник, а проверяющих нет как нет.

— Все выходные из-за них дракону под хвост, — буркнула я.

Глеб Иванович развел руками.

Леший, конечно, прав. Московское руководство само решает, в какой момент нагрязнать в заповедник с проверкой. И каждый раз выбирает для этого совершенно неподходящий момент. Нам, сотрудникам, скрывать от них нечего, однако необходимость водить по заповедным тропам экскурсии меня раздражает.

В этом году господа номенклатурщики особенно отличились. Это же надо — выбрать для инспекции первую неделю октября!

Когда Владислав Игоревич Бессмертный, директор волшебного заповедника, сообщил на еженедельной летучке, что со дня на день к нам явятся столичные гости, возмущались даже хранители грибных полянок. Хотя уж им-то чего быть недовольными? Их подопечные осенью становятся взрослыми и серьезными, из-за кустов почти не хихикают, сов не пугают, по лесу не разбегаются. Стоят себе, важные, как индюки, перешептываются, глаз радуют.

Не то что мои драконы.

— Как там твои ящеры, Василиса? — словно подслушав мои мысли, поинтересо-

вался Глеб Иванович. — Сколько их в этом году вывелось?

— Трое.

— Ого! На крыло уже встали?

— Встали, — поморщилась я. — Дважды из гнезда вылетали. Мы с Синеглазкой, их матерью, замучились этих ребят из расщелин выковыривать. Они, когда горы видят, норовят их боднуть, как барашки. Да еще с разгона.

— Да ты что? — испугался леший. — Как они хоть? Целы?

— Горы?

— Дракончики.

— Что им сделается, — отмахнулась я. — У драконят головы что чугунные горшки. И такие же пустые. Синеглазка говорит: нет мозгов — нет сотрясения. Ей сейчас справиться с ними гораздо легче, чем раньше. Они хоть и летают, зато в лес проникнуть уже не пытаются. Так что все нормально.

— Ну и хорошо, — улыбнулся хранитель лесных угодий. — А что жар-птица? Птенчики-то ее, поди, не вылупились еще?

— Не вылупились, — вздохнула я. — И это, Глеб Иванович, моя главная головная боль. Верите ли, я от их гнезда лишний раз отойти боюсь. Палатку рядом с ним поставила, каждые два дня в ней ночую — стерегу и грею малышей, когда Огневушка на про-

гулку улетает. Представляете, она поначалу наотрез отказывалась яйца оставлять. Все боялась, что с ними та же беда случится, что и в прошлом году. Для нас это было потрясением, а для Огневушки — настоящей бедой. Поэтому она как яйца в июле отложила, так и заявила, что будет на них три месяца сидеть, пока дети не вылупятся. Я ей каждый день зерно и воду таскала. Насилу уговорила хотя бы раз в неделю крылья разминать. Жар-птицам без полетов нельзя, они от этого чахнут и даже умирают. А лишиться последней жар-птицы нашему заповеднику будет очень обидно.

— Бедная ты, — покачал леший косматой седой головой. — Все лето со своим зверьем маешься.

— Что лето, — усмехнулась я. — Лето — ерунда. У меня самая работа сейчас, в октябре. Драконы полетели, скоро пламенем дышать начнут. Огненные птицы вот-вот появятся. У их матери сезонная линька началась — перья выпадают, а новые лишь в полете растут. Огневушке волей-неволей приходится гнездо на несколько часов оставлять. Вот я ее на боевом посту и сменяю. Поляну защитным куполом окружила, чтобы ни одна муха к ней приблизиться не могла, а сама рядом сижу, температуру воздуха контролирую. Утомилась — жуть. Счет уже на

дни идет — у яиц вот-вот скорлупа треснет, а тут проверка...

Я устало потеряла виски. Леший вздохнул.

За окном громко каркнула ворона.

— Слышишь? — оживился Глеб Иванович. — Кажись, наша делегация пришла.

Стоило ему это сказать, как дверь избушки скрипнула, а в сенях раздался топот ног. Первой в горнице появилась Алена. Ее взгляд был обеспокоенным, брови сдвинуты на переносице.

— Всем привет, — угрюмо сказала она. — Заждались? Встречайте гостей.

Вслед за Аленой в комнатку вошли еще двое: Макар Евгеньевич Сорокин и Ядвига Марковна Барская — неизменные кураторы заповедника от магического управления Министерства природных ресурсов и экологии. У меня давно сложилось впечатление, что эти ребята считают поездку в наши «поля» законной возможностью вырваться из душного офиса, чтобы побродить по лесу и подышать свежим воздухом. На инспекцию им традиционно отводится неделя, и используют они ее на всю катушку: во все овраги залезут, сунут нос в каждое дупло. И это несмотря на свой возраст и габариты.

Впрочем, надо быть честной: при одинаковых годах (каждому из них лет пятьдесят, не больше) серьезные габариты имеет только

Ядвига Марковна. Этакую красоту и мощь не каждый стул выдержит. Макар же Евгеньевич тонок, будто полевая былинка. При этом необъятная Барская скачет по тропкам и буеракам молодой косулей, а Сорокин задыхается уже после двух километров неторопливой ходьбы.

Учитывая, что поездки в заповедник кураторами воспринимаются как активный отдых, при встрече с нами эти ребята расцветают, как козлобородник в пять часов утра. Однако сегодня их лица почему-то были хмурыми, а взгляды озабоченными. Один в один как у Алёны.

— Что случилось? — вместо приветствия спросила я у них.

Сорокин коротко вздохнул. Ядвига Марковна на мгновение скривила губы и мотнула головой в сторону приоткрытой двери. В тот же миг дверь скрипнула снова, и на пороге появился светловолосый незнакомый мужчина лет тридцати. Он был высокий, широкоплечий, с копной буйных золотых кудрей и большими серыми глазами, делавшими его похожим на поэта Сергея Есенина. Как и остальные члены комиссии, он был одет в болоньевую куртку и теплые походные штаны.

— Добрый день, — громко сказал мужчина, широко улыбнувшись.

Мы с Глебом Ивановичем обалдели на него вытаращились. Незнакомец совершенно точно не был ни волшебником, ни оборотнем, ни даже троллем. Он был самым обычным человеком. В связи с этим у меня появился закономерный вопрос: как, черт возьми, он здесь оказался?!

— Коллеги, прошу любить и жаловать: Иван Андреевич Царев, — выдавив из себя дружелюбный оскал, провозгласила Ядвига Марковна. — Иван Андреевич является третьим заместителем директора Департамента госполитики в сфере особо охраняемых природных территорий. Он будет инспектировать ваши владения вместе с нами.

Я растерянно моргнула. Инспектировать волшебный заповедник?.. А что, обычных людей теперь допускают к магическим объектам? Или этот Царев настолько крут и важен, что его за здорово живешь посветили в тайну существования чародеев?

Если не ошибаюсь (а я не ошибаюсь!), о том, что рядом с обычным человеческим миром живет мир волшебный, знают далеко не все. Так как наши пути неизбежно пересекаются, при каждом столичном министерстве давным-давно были организованы особые отделы, ведающие делами магического сообщества. Все эти отделы следят за колдовским правопорядком автономно и главам люд-

ских департаментов отчитываются о своей работе хорошо если раз в год. Насколько я знаю, у них выстроена четкая схема взаимоотношений, которая всех устраивает, — хоть и сотрудничают, однако в дела друг друга не вмешиваются.

Между тем даже такое регламентированное общение для чародеев не безопасно: всегда есть вероятность, что коллеги-чиновники случайно (или не случайно) раскроют кому-нибудь тайну магического мира. Чтобы исключить эту вероятность, каждый из них приносит Клятву молчания, скрепляемую собственной кровью. После такого ритуала поклявшийся может говорить о волшебниках — реальных, не сказочных — только с самими волшебниками или с другими людьми, посвященными в наш секрет.

Мера не слишком приятная, но необходимая. При этом что-то мне подсказывало: Иван Царев никаких клятв не приносил и вообще не в курсе, что все находящиеся перед ним люди являются чародеями. Возможно, дело было в его спокойном оценивающем взгляде и плавных размеренных движениях. Встретившись с колдунами, посвященный человек ведет себя скованно и тревожно. Или же, наоборот, лучится детским восторгом. Этот же, хоть и улыбался, был невозмутимым, как горный склон,

и чувствовал себя в нашей компании уверенно.

Учитывая сказанное, вставал все тот же закономерный вопрос: как получилось, что третий заместитель пятнадцатого министра приехал в наши заповедные края?

Ядвига Марковна между тем продолжала церемонию знакомства:

— Иван Андреевич, позвольте представить вам сотрудников заповедника. С Аленой Игнатьевной Козловой вы уже знакомы и знаете, что она отвечает за благополучие здешней акватории. А это Глеб Иванович Дубравин — заслуженный ботаник страны, селекционер, крупный эксперт по деревьям и кустарникам редких пород.

Царев протянул лешему руку. Тот поднялся из-за стола и крепко ее пожал.

— Приятно познакомиться, — сказал Иван, глядя на лесного великана снизу вверх.

— Взаимно, — ответил Глеб Иванович. — Добро пожаловать.

Ядвига Марковна повернулась ко мне.

— Эта барышня — Василиса Матвеевна Берендеева, — сказала она. — Старший научный сотрудник заповедника, зоолог, уникальный специалист по работе с исчезающими видами животных. Не поверите, Иван Андреевич, звери ее обожают. Да-да. Я сама видела, как к ней ластилась огромная страшная змея,

а редчайшие золотые фазаны преспокойно садились к Василисе Матвеевне на колени.

— Очевидно, Василиса Матвеевна — добрая, заботливая девушка, — серьезно сказал Царев. — К злому человеку звери в руки никогда не пойдут. Рад знакомству, Василиса.

— И я рада, Иван Андреевич, — кивнула в ответ.

Глеб Иванович негромко кашлянул.

— Что ж, гости дорогие, не желаете ли отведать травяного чайку с медом? — предложил он. — Вы к нам полдня добирались. — Леший выразительно посмотрел на Сорокина с Барской. — Устали небось с дороги-то.

— Устали, — печально вздохнул молчавший все это время Макар Евгеньевич. — А потому ни от чая, ни от меда отказываться не будем.

— А я бы перед чаепитием немного прогулялся, — вдруг заявил Царев. — Коллеги мне рассказывали, что вы, Глеб Иванович, неподалеку от своей избушки аллею редких дубов посадили. Вроде бы у вас там и монгольские дубки имеются, и зубчатые, и даже каштановые.

— Что есть, то есть, — согласился леший. — Желаете на них взглянуть?

— Если вы не возражаете. Очень уж любопытно. Я, знаете ли, по дубам собираюсь диссертацию писать.